

****[Вот чёрт, с чего вдруг Сечжи взбесился?]****

****[Мой милый Фэй-Фэй бывает своенравен, но не настолько же!]****

В реальности Линьхуа кружил в воздухе, едва успевая за стремительным развитием событий.

Железная аномалия, совершившая прорыв до S-ранга, задрала к небу головастый нос, прорезающий вход в метро, и издала протяжный, оглушительный рёв. Из её металлического остова вырывались сотни призрачных голов. Намертво припаянные шеями к стальной туше, они заходились в таком же мучительном вопле.

Заточённые здесь на целую тысячу лет, эти духи до предела пропитались яростью и беспросветной скорбью. Из их прозрачных, алых глаз вытекали слезы, подобные жидким рубинам, и с хрустальным звоном рассыпались по земле.

Когда у сущности беспокойно на душе, её внутренний стержень теряет устойчивость. Чьи-то чувства явно подверглись жесточайшему испытанию, а ведь сердцевинкой Сечжи являлось духовное тело Паньцзяо, которое давным-давно заточили внутри Фу Сяо и Линьхуа.

****[Мой Паньцзяо мёртв уже целую вечность, что могло так всколыхнуть его?]****

****[Эй, Преподобный, выходи уже! Что этот Цзянь Фэй сотворил с нашей овечкой?]****

Линьхуа ничего не понимал и не мог ни у кого спросить. Цзянь Юньмань нагнулась, подняла с земли один из алых кристаллов и долго разглядывала его со сдвинутыми бровями.

— Это жемчужина плотских шрамов, — произнёс Цзогу.

Ему доводилось встречать упоминания о подобном лишь в древних фолиантах: «Схозячишь такую — и душевное состояние мгновенно придет в норму. Отличное средство для медиумов ментального профиля, чтобы поднять показатель боевой мощи».

Способ их образования описывался как нечто изощрённо-извергское. Насколько именно — книги умалчивали, и Цзогу не знал подробностей. Но теперь они увидели всё своими глазами. Душа, чей плотский облик сожгли, а дух пленили на тысячелетие, порождала эти камни лишь в пучинах запредельного страдания.

— Вещь, возвращённая на кровавых ранах, требует крайней осторожности, пусть даже и сулит немалую пользу, — с лёгкой улыбкой произнесла Цзянь Юньмань и бросила кристалл назад, даже не думая оставлять себе. — За всё в этом мире приходится платить, не стоит зариться на внешнюю выгоду.

— Тётушка Мань абсолютно права, — Цзогу тоже не стал ничего подбирать. — Душа, стенающая в муках, не принесёт душевного покоя. Лишь создаст иллюзию.

Действие жемчужины плотских шрамов заманчиво на короткой дистанции: кажется, будто разум обретает стойкость, но на деле это лишь заложенный в глубь сознания фугас. Стоит ему детонировать — и всё разлетится на куски.

Цзянь Юньмань не было дела до рассуждений Цзогу. Сдвинув тонкие брови, она явила пронзительное божественное могущество:

— Проваливай! С каких пор ты, старый хрыч, смеешь называть меня тётушкой вслед за мелюзгой?

Окрик не заставил Цзогу отступить. Он подался ближе к Цзянь Юньмань, всматриваясь в гладь её карманного зеркальца, где отражался облачённый в чёрное Айину.

Ему удалось отыскать студентов.

Пространство внутри станции метро представляло собой замкнутый, суровый мир. Локации вне редких поселений служили живодернями разного масштаба, где людоедство было обыденным делом. Запах Ван Ли вечно привлекал к себе странных тварей, именуемых здесь «небожителями». К счастью, туда отправился Айину, иначе ребят уже давно попробовали бы на вкус во всех возможных кулинарных вариациях.

— Всё ещё не нашли способ выбраться? — спросил Цзогу.

Цзянь Юньмань качнула головой.

— Тоже войду, — Су Яньчжоу давно рвался внутрь. — От Цзянь Фэй до сих пор ни слуху ни духу. Его там не сожрали?

— Ты... сам ты сожран! — тихо возразил Ариэкс из своего угла.

Змей свернулся кольцами неподалёку от медиумов. Перед уходом Цзянь Фэй велел ему смотреть в оба и помогать, если что случится.

[Вот именно! Как мой Фэй-Фэй мог сгинуть? Чёрт знает что этот паршивец утворил, но он довёл Паньцзяо до слёз!]

Довести до слёз мёртвую овцу, да так, что крышка гроба не удержит, — это надо было постараться.

Линьхуа подлетел ближе и глянул в камеру прямой трансляции, оставленную Айину.

****[Погодите... Почему это проклятое место кажется мне знакомым?]****

Линьхуа задумался, а затем его пламя пламенной магии в глазницах скелета вспыхнуло с диким ужасом:

— Мать твою! Как мы здесь оказались?!

Воспользовавшись голосовым синтезатором, конь огласил окрестности сочным ругательством.

Су Яньчжоу тут же спросил:

— Ты узнаёшь это место?

— Не смейте входить, — с предельной суровостью ответил Линьхуа. — Это смертельно опасно.

То была самая жуткая эпоха. Эволюция Ван Ли оставалась слишком поверхностной, чтобы привлечь истинно кошмарных тварей, но это было лишь вопросом времени. С каждой минутой риск возрастал.

— Не может быть, — усомнился Су Яньчжоу. — Всё-таки мы А-ранга.

— А-ранга? — Линьхуа издал звук, похожий на смешок. — В те времена А-ранг не стоил ровным счётом ничего.

— И что делать?

— Ждать, — отрезал скелет.

Ждать до каких пор? Разумеется, пока Цзян Фэй не дойдёт до самого конца выбранного пути.

Цзян Фэй оговорили.

Он честно пытался выжить, следуя зову сердца, но верный барашек, сопровождавший его всю жизнь, вдруг взял и обратился монстром прямо на глазах. Цзян Фэй и сам не подозревал, что в действительности виной всему был он сам.

Извилистая тропа вмещала в себя историю и воспоминания, но являлась лишь похожим началом. Жизнь непредсказуема: когда меняются путники, меняются и результаты. Паньцзяо требовалось лишь запечатлеть представление своего визави о справедливости на этом развивающемся отрезке.

Но кое-кто решил списать готовые ответы, выдав точь-в-точь ту же дорогу, что сохранилась в памяти.

Паньцзяо, у которого оставались лишь крохи разума — достаточно было передать наследие и с миром уйти на покой, — вновь оказался втянут в бесконечный круговорот прошлого.

И потому явил свой истинный облик раньше срока.

Цзян Фэй растерялся, абсолютно не понимая, что происходит.

Лишь спустя несколько секунд эмоциональный порыв Паньцзяо немного утих. Ушу и Линьхуа замерли на месте, а мутный овечий глаз повернулся назад, с тоской всматриваясь в бывшего соратника.

****[И что ты намерен делать теперь?]**** — вновь раздался голос, похожий на закадровый текст.

Путь Аксиомы разъедал разум куда сильнее Пещеры Алчности. Цзян Фэй так и не обрел личного самосознания; он лишь спокойно погладил липкую голову Паньцзяо.

— Наверное, это всё лишь мои иллюзии? — тихо спросил Цзян Фэй. — Вы ведь давно мертвы? А я... я ещё жив? Хотя... я уже ничего не помню.

Паньцзяо ничего не ответил, лишь с тоской потерся о ладонь Цзян Фэя. Пусть аномалия чётко признавала: стоящий перед ней — вовсе не тот человек из давних воспоминаний.

Что дальше?

Цзян Фэй почти не задумывался:

— Где Лю Мэй?

****[Мертва,]**** — отрезал Паньцзяо. ****[Она касалась тебя.]****

Способность Цзян Фэя к эволюции стала ещё мощнее, чем прежде. Будь то кровные родственники или посторонние вроде Лю Мэй, все они стремительно превращались в излюбленное лакомство небожителей. Лю Мэй навлекла злые помыслы и принесла семье

Цзянь гибель, но и сама не сумела сбежать.

— Туда ей и дорога, — бросил Цзян Фэй.

Нащупав опору, он поднялся. Передвигаться с помощью странного хвоста было непривычно и неудобно, но, не брезгуя ничуть нынешним уродливым обликом Паньцзяо, юноша просто уселся на него боком.

Длинный хвостовой плавник волочился по земле, а грубые швы напоминали: он больше не являлся обычным человеком.

Цзян Фэй мазнул рукой, и Ушу вылетел из плена прямо ему в объятия. Лишившись поддержки сил Паньцзяо, кролик превратился в обычную иллюзию, лишенную дыхания. Цзян Фэй погладил его по голове, но больше не услышал ласкового голоса, зовущего его «братиком».

Фальшивка остается фальшивкой.

Кролик и конь подрагивали несколько секунд, после чего растаяли в воздухе. Даже уврачеванный скверной разум сохранял крупницы тепла: Паньцзяо оставил ему Ушу.

— Я хочу сперва... — Кровные узы порваны, и ему хотелось хотя бы предать их тела земле.

Пусть печаль всё ещё сжимала грудь, внутри Цзян Фэя зародилось странное чувство: это не его жизнь.

Он не успел договорить, как Паньцзяо прервал его:

[Не нужно.]

Аномалия не желала никуда идти:

[Решай скорее.]

Весь пройденный путь совпадал до мельчайших деталей. Паньцзяо уже догадывался, что Цзян Фэй скажет дальше, но формальности требовалось соблюсти. Стоит Цзян Фэю произнести эталонный ответ — и всё придет к финалу.

— Небеса несправедливы, — высказал своё мнение Цзян Фэй. Небожители рождаются с духовными корнями и достигают высот, недоступных простым смертным. А обычные люди, пытаясь выжить, попросту не видят выхода.

Знакомые слова. Паньцзяо кивнул: ну разумеется.

Но Цзян Фэй внезапно вернул совершенно иную реплику:

— Я хочу посмотреть, что там, снаружи. Я ведь так и не успел толком увидеть этот мир.

Произнеся это, юноша запнулся. Слова звучали дико — будто он и вовсе был чужаком в этом мире.

Реплики абсолютно не вягались друг с другом. Зависший в воздухе Паньцзяо бессильно качнул головой:

[Странный ты человек.]

Ему снова захотелось боднуть Цзян Фэя рогом, да только тот восседал у него на спине — не дотянуться.

Линьхуа тоже твердил, что он странный. Повторно услышав это слово, Цзян Фэй искренне возмутился:

— И что во мне странного?

Паньцзяо лишь вздохнул. Откуда простой овце знать такие тонкости?

Жуткое животное взмыло в небо. На его спине восседал человек, чей низ тела переходил в длинный змеиный хвост, покрытый разномастной чешуей. Хвостовой плавник трепетал на ветру — издали настоящий дух с древнего свитка.

Вот только вблизи зрелище пугало: живот и бока юноши сплошь покрывали тугие швы, из-за чего он казался получеловеком-полумонстром, сшитым из десятка разных тварей.

Цзян Фэй извлек откуда-то зеркальце. Направив взгляд на отражение, он убедился: лицо оставалось всё таким же безупречным, а в смоляных волосах пряталась пара ушей, похожих на крылья бабочки.

Куда красивее иных эльфов!

Спине тоже было неудобно. Пошарив рукой, юноша нащупал две небольшие выпуклости, но не смог разглядеть, что это такое.

Паньцзяо нес его над землей. Лишь с высоты птичьего полета открывалась жуткая картина:

человеческие земли давно оказались разрезаны на сотни изолированных заграждений.

Настоящие загоны для скота.

Внутри секторов царил иллюзорный покой, но на границах логова устроили великие аномалии, запугивающие людей, чтобы те и не думали бежать. Если кто-то исчезал — значит, сгинул в пасти очередного чудовища, и выжившим оставалось лишь молить небожителей спуститься с гор и карать обидчиков.

— «Гора Пэнлай покоится посреди моря...» □

— «На горе Гоуу обитает зверь: глаза у него под мышками, зубы тигриные, когти человечесьи, голос — как плач младенца. Зовётся он Таоте, и пожирает он людей...» □

— «На горе Бейюэ водится зверь, подобный быку о четырёх рогах, с глазами человека и голосом дикого гуся. Зовётся он Чжухуай, и пожирает он людей...» □

[Что ты там бубнишь?] — спросил Паньцзяо.

Цзян Фэй качнул головой. Он и сам не знал, к чему всплыли эти строки, лишь чувствовал глухую иронию. Смертные слепы в своем невежестве: они и не подозревают, что искатели бессмертия, у которых они молят защиты, и есть самые страшные монстры этой земли.

[Ого,] — Паньцзяо неожиданно остановил взгляд. **[Кажется, кто-то сейчас испустит дух.]**

— А нам-то что? — спросил Цзян Фэй. — Разве здесь мало умирают?

[Тут иное.]

На гниющей овечьей туше вспыхнули две алые точки. Гвозди Алого Ослабления Духов насквозь пробили хребет и нутро Паньцзяо. Это причиняло дикую боль, но позволяло удерживать хотя бы крупицу ясного разума.

Однако эта ясность оставалась хрупкой: стоило кому-то из людей сгинуть в этой зоне, как оскверненный Паньцзяо ошибочно посчитал бы, что испытатель погиб, и поглотил бы всё вокруг.

Тогда и Путь Аксиомы утратил бы свое назначение.

К счастью, эта группа до сих пор отчаянно боролась за жизнь.

Лю Цыянь понял, что радовался рановато. Приход наставника лишь отсрочил неизбежное.

Айину, медиум А-ранга и один из сильнейших бойцов Центрального Континента, в этом месте едва сводил концы с концами.

Они вышли к подобию границы: белая черта на земле четко делила территории. Вблизи рубежа без конца возникали высокоранговые аномалии.

Айину ранили, и их выследил небожитель S-ранга.

Этот «святой» внушал омерзение. Он походил на аномалии, с которыми они резонировали, но в отличие от окончательно опустившихся чудовищ, сохранил разум и умел говорить. Вот только укротить жажду человеческой плоти он был не в силах. Из тени за его спиной вырывались сотни щупалец, вонзавшихся прямо в затылок существа.

Боясь не уберечь всех, Айину спрятал большую часть студентов в личную теневую изолированную область.

Снаружи остались лишь те, кто мог сражаться: Лю Цыянь, Ли Чэнцзян и Ван Ли.

Хвост-дубина Ли Чэнцзяна переломился пополам, а его резонансный лабрадор от страха забился в глубь сознания и отказывался выходить.

Айину специализировался на скрытности, а не на прямом столкновении. К тому же из-за черного балахона не удавалось разглядеть тяжесть его ран.

Столько студентов на руках... Они стали для него неподъемной обузой.

— Интересно, как там Цзян Фэй?

Ван Ли порывался отделиться, но Лю Цыянь крепко держал его на веревке.

Айину обмолвился, что Цзян Фэй попал сюда гораздо раньше. Вот только ребята и не подозревали: в силу определенных причин их испытание кардинально отличалось от того, через что проходил Цзян Фэй.

— Горбатых только могила исправит, — буркнул Лю Цыянь. — Мы скорее сдохнем, чем с ним что-то случится.

— И то верно, — Ван Ли искренне считал соседа по комнате самым надежным человеком на свете. — Раз уж мы все здесь, остается надеяться, что Фэй-Фэй придет и спасет нас.

Небожитель наконец развеял проклятие Айину и зажал их на крошечном пятачке земли.

Прямо под палящим солнцем из тени за спиной «святого» вырвались бесчисленные сплетенные щупальца, проросшие прямо в его череп.

— Если уж не отвертеться, хочу, чтобы меня проглотили целиком с одного укуса, — выдохнул Ван Дали.

Быстрая смерть в такой ситуации казалась высшим милосердием.

И в этот момент с небес опустилась жуткая овца.

На спине твари, куда более похожей на монстра, чем сам небожитель, восседал невероятно красивый, но вместе с тем пугающий человек.

Вернее, не человек: у него имелся странный хвост, а всё тело покрывали грубые швы.

За пределами Пути Аксиомы пламя вокруг Линьхуа мгновенно погасло. Прозрачные капли с тихим плачем заструились по его костяному туловищу.

Словно слезы.

— Преподобный...

Преподобный находился совсем рядом, но конь не видел его уже целую вечность.

Цзянь Юньмань погрузилась в раздумья. Если глаза её не обманывали, этот сшитый человек был той самой аномалией, что сто лет назад явилась подле Линьхуа.

Преподобный... В древних фолиантах родов Су и Гу тоже встречалось упоминание о таком человеке.

Паньцзяохватило одного лишь взгляда. Небожитель, с губ которого капала слюна, испарился

без следа, а затем всех людей, проглоченных Сечжи, вышвырнуло прочь из станции метро.

Но кое-что изменилось навсегда.

К Цзян Фэю наконец вернулась память.

Он осознал: лицо, которое он носил и так любил, принадлежало Фу Сяо. И вся боль, весь прошлый путь, пережитый им в этой иллюзии, тоже принадлежали Фу Сяо.

У жизни пять вкусов — кислый, сладкий, горький, острый, солёный. Но Фу Сяо достались лишь горечь и боль.

Острая, щемящая боль сжала сердце Цзян Фэя, перехватив дыхание. Одной рукой он крепко прижимал фантом Ушу, а второй медленно оглаживал грубые швы на собственном теле.

Паньцзяо, чувствуя его состояние, поднял голову и взглянул на юношу.

— А что было потом? — тихо спросил Цзян Фэй. — После того как ты убил Владыку Горы... что случилось?

Разве всё не стало немного лучше? Почему же ситуация снова ухудшилась и привела к тому, что есть сейчас?

Паньцзяо не хотел отвечать. Он лишь ждал одного-единственного ответа.

[История уже свершилась. Какой смысл ворошить прошлое?]

Даже сам участник тех событий давно изменил свое отношение.

Голос диктора вновь произнес вопрос, похожий на предупреждение:

[Каким путём ты пойдёшь дальше?]

Цзян Фэй вновь погладил овечьи рога. Хребет и нутро Паньцзяо пробили Гвозди Алого Ослабления Духов — чем раньше он освободится, тем меньше промучается.

Вспомнив всё, Цзян Фэй четко понимал, какой ответ от него требуется. Точно так же, как и тогда, когда действовал бессознательно. Но вместе с тем он создавал: стоит произнести эти слова — и путь придет к концу.

— Паньцзяо... мы ещё увидимся? — спросил Цзян Фэй.

Хотя в глубине души он уже знал ответ. Следы скверны на теле овцы становились всё гуще.

Паньцзяо закинул голову назад, уставившись на Цзян Фэя, и вдруг произнес:

****[А разве в будущем мы не окажемся в одном котле? Ты во мне, я в тебе...]****

Чернейшая шутка точно рецидивирующий бумеранг угодила Цзян Фэю прямо между глаз. Вот только прежнего игривого настроения у него не осталось.

****[Давай же, скорей.]****

Оскверненной аномалии было не так-то просто удерживать контроль над собой.

Цзян Фэй больше не медлил. Он произнес реплику, давно застрявшую на языке.

Он все еще носил облик Фу Сяо, и тембр его голоса звучал точно так же, будто он лично прошёл через тот ад.

— Я продолжу свой путь, — произнес Цзян Фэй. — Мой выбор никогда не зависел от них — ни от благодарности, ни от ненависти. Я делаю это лишь потому, что сам так решил.

Небеса несправедливы, но справедливость живет в людских сердцах.

Он просто хотел изменить этот мир.

И ничего больше.

<http://bllate.org/book/19820/1992633>